

Древнерусские сочинения в контексте Палеи Толковой

Hrestak, Dominik

Master's thesis / Diplomski rad

2023

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:147382>

Rights / Prava: [Attribution 4.0 International](#)/[Imenovanje 4.0 međunarodna](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2024-08-06**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti

Diplomski rad

Древнерусские сочинения в контексте Палеи Толковой

student: Dominik Hrestak

mentor: dr. sc. Natalija Vidmarović, red. prof.

ak. god.: 2022/2023

Zagreb, 6. 9. 2023.

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti

Diplomski rad

Old Russian literature in the context of Tolkovaya Paleya

student: Dominik Hrestak

mentor: dr. sc. Natalija Vidmarović, red. prof.

ak. god.: 2022/2023

Zagreb, 6. 9. 2023.

Содержание:

Введение	1
Глава 1: Исторический контекст появления и структура и содержание <i>Палеи Толковой</i>	3
1.1 Исторический контекст появления <i>Палеи Толковой</i>	3
1.2. Структура и содержание <i>Палеи Толковой</i>	7
Глава 2. Единый богословский дискурс в древнерусской религиозной литературе.....	11
2.1 Изображение ключевых теологических концепций в <i>Палее Толковой</i>	11
2.2 Сравнительный анализ ключевых теологических концепций в <i>Палеи Толковой</i> и других древнерусских произведениях.....	14
Глава 3 - Влияние и адаптация: <i>Палея Толковая</i> в более поздних древнерусских религиозных текстах.....	20
3. Заключение	30
4. Список литературы	31
Краткое содержание работы	33
Ключевые слова	33
Резюме	34

Введение

Научная актуальность изучения древнерусской религиозной литературы, в частности *Палеи Толковой*, заключается в том, что она способна раскрыть сложные пласты единого богословского дискурса, характерного для своего времени. Анализируя общие тематические основы, присутствующие в различных произведениях, исследователи могут получить бесценные сведения о характерных литературных и богословских нюансах эпохи. *Палея Толковая*, учитывая ее выдающийся статус, служит этому наглядным примером. Определение ее влияния на последующие древнерусские религиозные тексты позволяет устранить пробелы в понимании эволюции богословских и литературных традиций.

Кроме того, акцент на повторяющихся темах, таких как искупление, крещение, божественное провидение, и их изображение в различных текстах свидетельствуют о глубокой взаимосвязи между богословскими догматами и их литературным воплощением. Это слияние богословия и литературы, отраженное в *Палее* и ее аналогах, имеет огромное значение для ученых, изучающих литературу, богословие и историю. Это подкрепляет тезис о том, что изучение этих древних текстов - не просто историческое занятие, а актуальная задача в современном академическом пространстве.

Основная проблема исследования обусловлена очевидным тематическим совпадением древнерусской религиозной литературы. В связи с этим возникает вопрос: Означает ли эта общая тематическая направленность более широкий, единый богословский дискурс эпохи? Кроме того, выявление непреходящего наследия *Палеи Толковой* в сфере древнерусской религиозной литературы необходимо для всестороннего понимания жанра.

Невозможно написать все, что следует написать о *Палее Толковой*, в одной дипломной работе. *Палея* еще ждет глубокого анализа, и с ней разобрались многие другие ученые, как например Евгений Водолазкин и Алексей Александрович Шахматов, обладающие гораздо лучшим знанием, чем автор этой работы.

Вслед за этим закономерно возникает главный вопрос исследования: Как *Палея Толковая* вписана в обширную картину древнерусской религиозной литературы и какой след она оставила в литературной и богословской среде своего периода? Широкое поле данного исследования - древнерусская религиозная литература, а в центре внимания оказывается *Палея Толковая* - ее генезис, архитектурные тонкости, содержание, влияние и определяющая роль в формировании контуров древнерусской религиозной литературы.

Основной целью данного исследования является изучение тематического фундамента древнерусской религиозной литературы. В этом анализе мы будем фокусироваться на *Палею Толковую*, так как она помогает нам понять, какие идеи из ранних произведений влияли на более поздние религиозные тексты в древнерусской литературе.

В целом начало этого научного пути предполагает решение нескольких ключевых задач. Во-первых, необходимо провести анализ тематических, стилистических и структурных элементов *Палеи Толковой*. Затем следует сопоставление полученных результатов с другими древнерусскими религиозными шедеврами для выявления совпадений, отклонений и уникальных закономерностей.

Исследование также предполагает изучение повторяющихся в этих текстах мотивов, в частности искупления, крещения и божественного провидения, с целью выявления их богословского резонанса. Кроме того, в ходе исследования предполагается выявить случаи, когда поздние древнерусские религиозные тексты могли прямо или косвенно испытать влияние *Палеи Толковой*.

В свете поставленных задач возникают две гипотезы. Во-первых, постоянная тематическая направленность важнейших религиозных доктрин в *Палее Толковой* и других аналогичных текстах может свидетельствовать об определенном периоде целостного богословского диалога. Во-вторых, отпечаток *Палеи Толковой* может быть замечен в тематической, стилистической или структурной сферах последующих древнерусских религиозных сочинений, что свидетельствует о ее длительном литературном влиянии.

Для понимания этих сложных вопросов в нашем исследовании мы будем использовать различные качественные методы анализа и исследования. В частности, будет проведено текстологическое исследование *Палеи Толковой* в сопоставлении с другими древнерусскими литературными сокровищами. Сравнительный литературоведческий анализ позволит выявить закономерности, влияния и характерные элементы.

Кроме того, будет рассмотрен исторический фон, чтобы вписать текст в его временной контекст и тем самым обеспечить целостное понимание его генезиса и значения.

Глава 1: Исторический контекст появления и структура и содержание *Палеи Толковой*

1.1 Исторический контекст появления *Палеи Толковой*

Палея Толковая была написана в период, когда Русская Православная Церковь находилась под сильным влиянием Византийской империи.

Так, Византийская империя с ее величественной столицей Константинополем более тысячи лет была маяком восточного православия. Когда в 988 году нашей эры князь Владимир из Киевской Руси решил принять христианство, он принял именно византийский вариант веры, что стало знаменательным событием, часто называемым "крещением Руси". Это историческое обращение положило начало глубокому переплетению религиозных, культурных и политических связей между Киевской Русью и Византийской империей.

Глубоко в сердце Византии лежала прославленная традиция богословской учености. Такие выдающиеся богословы, как Иоанн Златоуст, Василий Великий и Григорий Назианзский, заложили прочный фундамент православной мысли. С обретением Киевской Русью христианской идентичности эти богословские доктрины, а также связанные с ними литургические практики стали проникать в религиозный ландшафт Руси.

Важной составляющей религиозной ассимиляции стал перенос византийских литературных традиций, преимущественно греческих, в Киевскую Русь.

«Если же обратиться к опыту изучения аналогичных византийских текстов, можно увидеть, что рассматриваемый памятник является не более чем частным проявлением древней экзегетической традиции.» (Водолазкин 2007: 6).

Для этого были предприняты усилия по переводу почитаемых текстов на староцерковнославянский язык, который был богослужебным языком Руси. Святые Кирилл и Мефодий, которым принадлежит заслуга создания глаголицы и кириллицы, ранее сыграли важную роль в этом языковом переходе. В этом богатом разнообразии переводной и перенятой литературы и возникла *Палея Толковая*, воплотившая в себе как вдохновение, почерпнутое из византийских произведений, так и нюансы оригинальных богословских диалогов, проводившихся в условиях Руси.

Следует отметить, что на просторах средневековой Восточной Европы возникло государство Киевская Русь. Однако оно представляло собой плавильный котел разнообразных племен, каждое из которых имело свои традиции и верования. Задача

объединения этих племен под единым знаменем была одновременно политической и культурной, и именно в этом контексте князь Владимир и его преемники осознали силу религии как объединяющей силы.

Историческое обращение князя Владимира в христианство в 988 г. было не просто личным духовным преображением, это был стратегический шаг с далеко идущими последствиями.

Приняв христианство от Византийской империи, Владимир приблизил Киевскую Русь к одной из самых могущественных империй того времени. Но более того, он создавал целостную религиозную структуру, способную преодолеть культурные и племенные разногласия в его государстве.

При Владимире и последующих правителях христианство стало не просто верой, а инструментом управления. Церковь стала продолжением государства, а ее доктрины, ритуалы и учения использовались для формирования общей идентичности у разнородного населения. В условиях религиозной государственности тексты, подобные *Палее Толковой*, приобретали первостепенное значение.

Палее Толковая, будучи, на первый взгляд, религиозным документом, выполняла двойную роль. Во-первых, это был богословский справочник, разъясняющий библейские сюжеты и предлагающий их толкование в соответствии с догматами ортодоксального христианства. Но с другой стороны, это был инструмент государственного управления. Кодифицируя религиозные верования и практики, он обеспечивал стандартизированную религиозную основу. Эта стандартизация была крайне важна для такого государства, как Киевская Русь, где региональные различия в религиозной практике могли поставить под сомнение усилия центральной власти по объединению.

Более того, пропагандируя такие тексты, как *Палее Толковая*, правители Киевской Руси давали понять, что государство и церковь - это взаимосвязанные структуры, которые совместно определяют духовную и политическую судьбу народа. Этот союз трона и алтаря сыграл важную роль в консолидации различных племен и областей Киевской Руси под знаменем православия.

В ретроспективе, период религиозной консолидации в Киевской Руси стал примером по слиянию веры и политики. *Палее Толковая* и подобные ей тексты были в авангарде этого синтеза, служили одновременно духовными наставниками и политическими инструментами, обеспечивая непреходящее наследие православного христианства в анналах истории Киевской Руси.

Также необходимо рассмотреть роль монастырей, таких как знаменитая Киево-Печерская Лавра в Киеве, которые становились центрами обучения, богословских дискуссий и литературного творчества. Эти монастырские центры, вероятно, сыграли решающую роль в создании, сохранении и распространении таких текстов, как *Палея Толковая*.

В средневековом обществе Киевской Руси, монастыри выделялись как бастионы духовной, интеллектуальной и культурной деятельности. Ярким примером такого учреждения является Киево-Печерская Лавра. Основанный в XI веке, этот обширный монастырский комплекс с запутанной сетью подземных пещер, часовен и катакомб стал синонимом духовного рвения и учености.

В священных стенах этих монастырей монахи посвящали свою жизнь религиозному созерцанию, богословским дискуссиям и тщательному переписыванию религиозных текстов. Искусство письма, мало распространенное в средневековом обществе, оттачивалось монахами до совершенства. В скрипториях - помещениях, специально предназначенных для написания и копирования рукописей, - кипела бурная деятельность, создавались тома религиозной литературы, в том числе и такие тексты, как *Палея Толковая*.

Но эти монастыри были не только домами религиозной литературы, но и центрами богословских изысканий. Монахи, часто много путешествовавшие и образованные в религиозных доктринах как Востока, так и Запада, вели оживленные дискуссии, уточняя и формируя богословские взгляды христианства Киевской Руси.

«Около этого же времени (до 1489 г.)[399] монах Кирилло–Белозерского монастыря Нил (будущий подвижник Сорский) вместе со своим единомышленником Иннокентием Охлябининым изучал практику восточного монашества на Афоне. По предположению ф. Лилиенфельд, они посетили также Палестину и Синай. Предположение вполне вероятно, в эту эпоху совершались очень далекие путешествия, например, тверича Афанасия Никитина «за три моря» (в 1471–1474 гг.)» (Синицына 2002:)

Эти споры, дискуссии и обсуждения обогащали религиозную литературу того времени, способствуя тому, что такие тексты, как *Палея Толковая*, не просто повторяли старые доктрины, а были проникнуты новыми идеями и интерпретациями.

Кроме того, эти монастырские центры сыграли важнейшую роль в сохранении религиозных текстов. В эпоху отсутствия печатных станков переписывание текстов от руки было основным средством сохранения и распространения знаний. Монастыри с их обширными

библиотеками стали хранилищами этих сакральных знаний, обеспечивая сохранность религиозной мудрости, как старой, так и новой, для будущих поколений.

Влияние монастырских центров выходило за пределы их стен. Миряне, привлеченные духовной и интеллектуальной аурой этих учреждений, часто совершали паломничества, ища благословения, знаний и наставлений. Благодаря такому общению богословские и литературные сокровища монастырей, в том числе и тексты, подобные *Палее Толковой*, попадали в широкие слои общества, формируя духовный и культурный облик Киевской Руси.

По сути, монастыри средневековой Киевской Руси, олицетворением которых является Киево-Печерская Лавра, были не просто религиозными учреждениями. Они были пульсом общества, находящегося в духовном и интеллектуальном движении, обеспечивая не только сохранение, но и процветание, развитие и освещение религиозных и литературных традиций Киевской Руси.

Подводя итог, становится ясно, что *Палея Толковая* не является изолированным произведением, а скорее кульминацией разнообразных, но взаимосвязанных сил, определявших духовную и культурную среду своего времени.

Византийская империя с ее огромным богословским багажом и сложными литературными традициями послужила основополагающим фундаментом, приобщив Киевскую Русь к тонкостям восточного православия. Но Византия была не просто источником вдохновения, а мостом между древней мудростью христианского Востока и формирующейся духовной идентичностью Руси.

Однако путь *Палеи Толковой* был также тесно переплетен с политическим и социальным ландшафтом Киевской Руси. Усилия государства по объединению разнородного населения под знаменем христианства были не просто политическими маневрами. Это было олицетворением более широкого видения, в котором вера становилась тем центром, который сплотил разрозненные племена и регионы в единое целое. В этом контексте *Палея Толковая* была не просто религиозным документом, а свидетельством преобразующей силы веры, служившей одновременно и руководством, и символом вновь обретенного единства.

Наконец, коридоры таких монастырей, как Киево-Печерская Лавра в Киеве, были горнилами, в которых писалась, совершенствовалась и распространялась *Палея Толковая*.

Палея Толковая является маяком, освещающим слияние имперского наследия, религиозных устремлений государства и монастырской учености. Ее страницы свидетельствуют об

эпохе, когда вера, политика и культура сосуществовали в сложной гармонии, создавая повествование, которое вошло в анналы древнерусской литературы.

1.2 Структура и содержание *Палеи Толковой*

Палея Толковая возникает из богатой экзегетической традиции, являющейся краеугольным камнем христианской богословской литературы на протяжении многих веков. Экзегеза - практика толкования и понимания священных текстов - направлена на раскрытие глубинных смыслов и прозрений, скрытых в Священном Писании. В рамках этой традиции *Палея Толковая* выделяется как мастерское произведение, скрупулезно вникающее в тонкости библейских повествований. *Палея* не просто пересказывает эти истории, а предлагает глубокое исследование, сплетая воедино буквальное, аллегорическое и моральное толкование текстов. Опираясь как на языковые нюансы, так и на исторический контекст Писания, она дает читателю многомерное понимание Библии.

«Толковая Палея - выдающийся памятник древнерусской экзегезы. Название ее, включающее греческое слово *παλαια* (старая), является указанием на толкование Ветхого Завета, поскольку палеёй на Руси назывались, среди прочего, Пятикнижие и Восьмикнижие. По мере изучения этого текста его первостепенная роль в литературе Древней Руси становится все более очевидна.» (Водолазкин 2007: 3)

Такой подробный пересказ служит двум целям: он не только проясняет богословские идеи, заложенные в Священном Писании, но и контекстуализирует их для современной аудитории, преодолевая временной разрыв между древним миром Библии и реальностью жизни ее читателей в Киевской Руси. При этом *Палея Толковая* становится не просто пересказом библейских сказаний, а превращается в духовный путеводитель, освещающий путь веры через призму экзегетической мудрости.

Также необходимо отметить, что одной из наиболее характерных особенностей *Палеи Толковой* является переплетение Ветхого и Нового Заветов, демонстрирующее преемственность и кульминацию спасительного замысла Бога о человечестве. Сопоставляя повествования Ветхого Завета с учениями и событиями Нового Завета, *Палея* создает гармоничный богословский концепт, подчеркивающий взаимосвязь всего библейского канона. «Автор этого памятника рассматривает ряд ветхозаветных текстов как пророчества о новозаветных событиях» (там же: б).

Ветхий Завет с его богатыми повествованиями о творении, завете и пророчествах закладывает основу для пришествия Христа. Эти истории, будучи ценными сами по себе, приобретают дополнительную глубину и значимость, если рассматривать их в свете откровений Нового Завета. *Палея*, признавая эту симбиотическую связь, проводит параллели между ними, подчеркивая, например, как ветхозаветные жертвоприношения и ритуалы предвосхищают крестную жертву Христа.

Этот метод толкования, часто называемый "типологией", рассматривает персонажи и события Ветхого Завета как "типы" или предшественники их "антитипов" в Новом Завете. Например, связывание Исаака Авраамом можно рассматривать как предвестие распятия Христа, а пасхального агнца - как символ Иисуса, Агнца Божьего, берущего на себя грехи мира.

Переплетая эти Заветы, *Палея* не только дает целостное понимание Священного Писания, но и проясняет основные христианские доктрины. Такие понятия, как искупление, благодать и исполнение пророчеств, становятся более понятными, если рассматривать их через призму этого переплетения. Для верующих Киевской Руси такой подход должен был дать полное и целостное понимание их веры, обосновывая их убеждения богатой традицией Священного Писания, насчитывающей не одно столетие.

В сущности, благодаря методу переплетения Заветов, *Палея Толковая* предлагает глубокое исследование Библии, подчеркивая единство Божьего послания и непреходящую актуальность его учения для верующих всех эпох.

Важно заметить, что *Палея Толковая* акцентирует внимание на порядке и структуре в своем тексте. Эти элементы не только делают его стилистически интересным, но также предоставляют читателям возможность пройти духовное путешествие. По своей сути *Палея* - это не просто сборник библейских толкований, а тщательно продуманный путеводитель по обширному пейзажу истории спасения.

От рассвета творения до эсхатологических обетований нового неба и земли повествование о спасении разворачивается в череде божественных вмешательств, заветов, пророчеств и исполнений. *Палея*, понимая масштабность и сложность этого повествования, принимает систематическую структуру, позволяющую ориентироваться в его глубинах. Каждый раздел текста опирается на предыдущий, создавая плавный поток событий, отражающий развитие отношений Бога с человечеством.

Для читателя, погружающегося в *Палею*, эта методическая структура предлагает четкий путь через хитросплетения библейских событий. Начиная с первобытных сказаний Бытия,

проходя через патриархальные повествования, Исход, установление Давидова царства и завершая жизнью, смертью и воскресением Христа, *Палея* создает целостную историю. Такой хронологический подход не только облегчает понимание, но и подчеркивает непрерывность действий Бога на протяжении всей истории. Каждое событие, каждое пророчество, каждый божественный акт причудливо связаны между собой, раскрывая грандиозную историю Божественной любви и искупления.

Необходимо отметить, что данное произведение выделяет три центральные темы, каждая из которых перекликается с основными постулатами христианской веры и позволяет заглянуть в духовный мир своего времени: божественное провидение, искупление и заветные отношения между Богом и человечеством.

В центре рассуждений *Палеи* находится концепция божественного провидения. Эта тема подчеркивает веру в то, что рука Бога активно направляет ход истории и жизни человека. В многочисленных библейских повествованиях, пересказанных в *Палее*, прослеживается единая нить: Бог, который в своей бесконечной мудрости и любви организует события, как грандиозные, так и мельчайшие, чтобы исполнить свой божественный замысел. От сложного замысла творения до освобождения израильтян из Египта - *Палея* рисует картину мира, в котором нет ничего случайного, а все является частью божественного замысла.

С божественным провидением тесно переплетается тема искупления. *Палея* глубоко погружается в повествование о грехопадении человечества и непреклонном стремлении Бога восстановить нарушенные отношения. Истории патриархов, пророков и царей - это не просто исторические повествования, а олицетворение большой истории искупления, кульминацией которой является жизнь, смерть и воскресение Иисуса Христа. *Палея* проясняет этот путь искупления, подчеркивая жертвенную любовь Бога и преображающую силу благодати.

Но, пожалуй, самая острая тема, раскрываемая в *Палее*, - это завет между Богом и человечеством. Эта тема подчеркивает реляционный аспект веры, изображая Бога, желающего не просто послушания, а глубоких, личных отношений со Своим творением. Начиная с Авраамического завета, в котором Бог обещает сделать Авраама отцом многих народов, и заканчивая Новым Заветом, провозглашенным жертвой Христа, *Палея* демонстрирует эволюционирующий характер отношений между Богом и человеком. На ее страницах читателям напоминают о твердых обещаниях Бога, Его непоколебимой приверженности и призыве к человечеству ответить верой и преданностью.

В содержании *Палеи Толковой* аллегорические толкования занимают особое место, придавая библейским повествованиям глубину и измерение. Аллегория по своей природе стремится раскрыть смысловые пласты, выходящие за рамки буквального, извлечь духовные, нравственные и богословские смыслы из, казалось бы, простых повествований. В *Палее* аллегорический подход превращает библейские истории из простого исторического повествования в глубокие размышления о состоянии человека и божественном предназначении.

Каждое событие и персонаж Священного Писания, если рассматривать их через аллегорическую призму *Палеи*, становится символом, отображением более глубоких богословских истин. Например, путешествие израильтян по пустыне - это не просто рассказ о странствиях, это аллегория духовного путешествия души, блуждающей по пустыне жизни в поисках Земли Обетованной, где можно обрести божественное единство. Подобно этому, такие персонажи, как Моисей или царь Давид, выходят за рамки своих исторических образов, воплощая идеалы лидерства, веры и проблемы человеческой слабости перед лицом божественных предписаний.

Но особую остроту аллегорическим интерпретациям *Палеи* придает их соответствие современным духовным реалиям. Хотя библейские сюжеты уходят корнями в глубокую древность, аллегорические выводы, которые они дают, касаются вечных человеческих переживаний и дилемм. Испытания Иова становятся размышлением о страданиях и божественной справедливости, возвращение блудного сына - свидетельством безграничного милосердия Бога и искупительной силы покаяния. С помощью этих аллегорий *Палея* преодолевает временной разрыв, соединяя древний мир Священного Писания с живым духовным опытом его читателей.

Важно отметить, что языковое мастерство *Палеи Толковой* свидетельствует о соединении глубокой богословской интроспекции и богатых литературных традиций славянской культуры. Это произведение, вошедшее в анналы древнерусской литературы, отличается не только содержанием, но и уникальным языковым стилем, мастерски преодолевающим границы эвокации и дидактизма.

Опираясь на источник славянской литературной традиции, *Палея* строит свои повествования на ярком и вызывающем языке. Библейские истории, пересказанные в ней, оживают, перенося читателя в древние пейзажи Священного Писания. Персонажи, события и божественные вмешательства окрашены палитрой слов, которые вызывают эмоции, будоражат воображение и создают чувственный опыт. Выразительный стиль служит не

просто приукрашиванию, а созданию глубокого эмоционального и духовного резонанса с читателем, делая древние сказания осязаемыми и непосредственными.

Однако, несмотря на то, что *Палея* - это пример по созданию выразительных рассказов, она в равной степени выполняет и дидактическую миссию. Текст не ограничивается простым пересказом библейских сказаний, он стремится наставлять, направлять, просвещать. Для этого язык часто переходит в более авторитетный и поучительный тон, разъясняя богословские понятия, извлекая нравственные уроки, давая толкования. Дидактичность проявляется в том, что *Палея* обращается к аллегорическим толкованиям, дает комментарии к Священному Писанию, разъясняет догматы ортодоксального христианства.

Что действительно примечательно в языковом стиле *Палеи*, так это то, как органично она балансирует между этими двумя ролями. Переход от захватывающего повествования к дидактическому изложению происходит плавно, что позволяет читателю не только увлечься повествованием, но и обогатиться учением. Этот баланс отражает глубокое понимание человеческой психики: в то время как сердце тронут эмоциональными рассказами, ум ищет ясности, понимания и руководства.

Подводя итог параграфа необходимо отметить, что *Палея Толковая* - это фундаментальный труд - не просто продукт своего времени, а тщательно созданный памятник богословия, повествования и литературного мастерства. Систематическая структура, ведущая читателя по просторам истории спасения, дополнена глубокими богословскими темами, затрагивающими основные положения христианской веры. Аллегорические толкования вдохнули новую жизнь в древние библейские сюжеты, связав их с современными духовными реалиями, а богатый славянский литературный стиль завораживает своим проникновенным повествованием и поучительными наставлениями. В совокупности эти элементы свидетельствуют о стремлении *Палеи* к духовному назиданию и литературному совершенству, закрепляя за ней статус краеугольного камня древнерусской религиозной литературы.

Глава 2. Единый богословский дискурс в древнерусской религиозной литературе

2.1 Изображение ключевых теологических концепций в *Палее Толковой*

Палея Толковая, почитаемая как вершина древнерусской религиозной литературы, предлагает глубокое осмысление ключевых положений христианского богословия. Среди них важное место занимают темы искупления, крещения и божественного провидения,

каждая из которых органично вплетена в ткань библейских повествований и толкований *Палеи*.

Искупление является одним из центральных столпов христианского богословия, и это находит глубокий отклик в *Палее Толковой*. Понятие искупления означает божественное вмешательство Бога в спасение человечества от бремени греха и последующей вечной разлуки с Ним. Этот тезис не является в *Палее* ни абстрактным, ни периферийным, он повторяется и является основополагающим, определяя самые контуры ее богословского изложения.

Исследуя искупление, *Палея* прокладывает путь через лабиринт ветхозаветных пророчеств и их новозаветных исполнений, создавая подробное описание иллюстрирующие этот божественный акт. Путешествие начинается с грехопадения Адама и Евы - поворотного события, символизирующего изначальный проступок человечества и его отрыв от Бога. Это повествование служит суровым напоминанием о глубоких последствиях непослушания, бросая тень греха и смертности на человечество.

Однако даже в этой мрачной картине *Палея* подчеркивает милосердие Бога и Его обещание искупления. Это обещание постепенно раскрывается в ветхозаветных пророчествах, предвещающих приход Мессии, Искупителя, который примирит человечество с Богом. Эти пророчества, полные надежды и предвкушения, создают основу для высшего акта Божественной любви: воплощения, распятия и воскресения Иисуса Христа.

В повествованиях о распятии и воскресении *Палея* представляет воплощение божественной жертвенности и любви. Иисус Христос через свои крестные страдания и смерть берет на себя грехи всего мира, предлагая искупление всем верующим в Него. Его воскресение символизирует победу жизни над смертью, благодати над грехом, знаменуя собой кульминацию искупительного пути. *Палея* объясняет эти события не просто как исторические события, но как непреходящие истины, воплощающие преобразующую силу Божьей благодати.

На протяжении всего рассуждения *Палея* подчеркивает непрерывный характер искупительной работы Бога. Она подчеркивает Его непреклонное стремление восстановить нарушенный завет со Своим творением, свидетельствуя о Его бесконечной любви и милосердии. От отдельных историй покаяния и прощения в Ветхом Завете до коллективного искупления, предложенного Христом в Новом Завете, *Палея* рисует яркую картину Бога, неустанно стремящегося спасти, исцелить и восстановить.

Крещению, еще одному основополагающему таинству христианства, в *Палее* уделено значительное внимание.

В *Палее* крещение представлено не как ритуал, а как духовное возрождение, переход от старой жизни, омраченной грехом, к новой жизни во Христе. В тексте проводятся глубокие параллели между ветхозаветными очистительными ритуалами и новозаветным таинством крещения, подчеркивается его роль как средства благодати и посвящения в христианскую общину. Повествование о переходе израильтян через Красное море, например, часто аллегорически интерпретируется как предвестие очищающей и освобождающей силы крещения. Подобно тому, как переход через Красное море ознаменовал переход от рабства к свободе, крещение знаменует переход от господства греха к свободе жизни во Христе.

Однако *Палея* не ограничивается параллелями между ветхозаветным и новозаветным контекстом и изображает крещение как таинство духовного возрождения. Это представление перекликается с диалогом Иисуса с Никодимом в Евангелии от Иоанна, где Иисус говорит о "рождении от воды и Духа". *Палея* развивает эту мысль, представляя крещение как погружение в смерть и воскресение Христа, преобразование, освобождающее верующего от власти греха и вводящее его в новую жизнь по благодати.

Более того, *Палея* подчеркивает общинный аспект крещения. Это не просто личное переживание благодати, но и посвящение в христианскую общину, Тело Христово. Через крещение верующие включаются в Церковь, участвуя в ее жизни, богослужении и миссии.

Палея предлагает глубокое исследование божественного провидения - фундаментального верования христианского богословия, утверждающего активное и целенаправленное руководство Богом всеми аспектами творения. Эта тема пронизывает все повествования и толкования *Палеи*, рисуя портрет Бога, глубоко вложенного в свое творение, направляющего ход истории и жизни людей к исполнению своего божественного замысла. В изображении Божественного провидения в *Палее* Бог - не отстраненный, равнодушный наблюдатель за миром, а непосредственный участник его разворачивающейся истории. В тексте изображен Бог, который в своей мудрости и любви активно формирует ход событий, проводя человечество через испытания и победы, радости и горести. Это интимное участие изображается по-разному: от освобождения израильтян из египетского рабства до необыкновенного рождения Исаака у престарелых Сарры и Авраама.

Палея также подчеркивает сложные законы, которыми руководствовались израильтяне, такие как десять заповедей, различные церемониальные законы, законы справедливости и

милосердия. Они рассматриваются не как произвольные правила, а как часть Божьего провиденциального замысла, обеспечивающего нравственное и духовное руководство избранным народом и формирующего социокультурную структуру его общества.

Более того, пророческие откровения о приходе Мессии, подробно изложенные в *Палее*, служат еще одним примером Божественного провидения. Пророческие изречения, начиная с подробных пророчеств Исайи и заканчивая предсказаниями второстепенных пророков, представляются как провиденциальная коммуникация Бога, раскрывающая Его будущие планы по искуплению и восстановлению человечества.

Но божественное провидение, как оно рассматривается в *Палее*, не ограничивается грандиозными историческими повествованиями или предсказаниями будущего. Оно проникает и в индивидуальную жизнь, демонстрируя заботу и попечение Бога о каждом человеке. Истории о божественном вмешательстве, защите и руководстве в жизни библейских персонажей подчеркивают личное участие Бога в деталях их жизни.

Резюмируя, *Палея Толковая*, глубоко исследуя вопросы искупления, крещения и божественного провидения, освещает суть христианского богословия. Повествования и толкования *Палеи* предлагают читателю всестороннее понимание этих догматов, представляя их не как абстрактные доктрины, а как жизненные реалии, созвучные духовному опыту его аудитории.

2.2 Сравнительный анализ ключевых теологических концепций в *Палеи Толковой* и других древнерусских произведениях

Искупление как богословское понятие занимает видное место как в *Палее Толковой*, так и в других древнерусских религиозных текстах, являясь центральным элементом их богословских дискурсов. Эта центральная тема находит глубокий отклик в этих текстах, отражая основополагающую христианскую веру в то, что Бог спас человечество от последствий греха и вечной разлуки с Ним.

В *Палее Толковой* содержится подробное изложение искупления, дающее исчерпывающее представление об этом божественном акте. Центральное место в этом исследовании занимает повествование о распятии и воскресении Христа. *Палея* описывает этот путь от унижения креста до славы воскресения, подчеркивая преобразующую силу Божьей благодати. Она подчеркивает глубину Божьей любви, воплощенной в конечной жертве Его

Сына, и Его непреклонное стремление восстановить нарушенный завет со Своим творением.

Аналогичным образом в других древнерусских религиозных текстах, таких как *Повесть временных лет* искупление рассматривается как один из центральных постулатов христианского богословия. Однако вместо того, чтобы сосредоточиться на повествовании о распятии и воскресении, в *Повести временных лет* подчеркивается искупление русского народа через его обращение в христианство. Это повествование о национальном искуплении символизирует коллективное движение от духовного невежества и язычества к просвещению и спасению, предлагаемому христианской верой. Обращение русского народа в христианство изображается как преобразующее событие, поворотный момент, ознаменовавший переход от греховной жизни, к новой богоугодной жизни во Христе.

Несмотря на различия в акцентах и повествовательной направленности, оба текста сходятся в изображении искупления как глубокого акта Божественной любви и благодати. Оба текста подчеркивают неизменное стремление Бога восстановить нарушенные отношения с человечеством, будь то через жертву Его Сына или через историческое событие обращения народа. Через свои повествования и *Палея Толковая* и *Повесть временных лет* раскрывают многогранную природу искупления, предлагая всестороннее понимание этого главного христианского догмата.

Одна из тем, которую мы можем сравнить в *Палее Толковой* и *Повести временных лет*, — это тема строения Вавилонского столпотворения или Вавилонской башни.

В *Повести временных лет* написано следующее:

«Сим же, Хам и Иафет разделили землю, бросив жребий, и порешили не вступать никому в долю брата, и жили каждый в своей части. И был единый народ. И когда умножились люди на земле, замыслили они создать столп до неба, – было это в дни Иоктана и Фалека. И собрались на месте поля Сенаар строить столп до неба и около него город Вавилон; и строили столп тот 40 лет, и не свершили его. И сошел Господь Бог видеть город и столп, и сказал Господь: «Вот род един и народ един». И смешал Бог народы, и разделил на 70 и 2 народа, и рассеял по всей земле. По смешении же народов Бог ветром великим разрушил столп; и находятся остатки его между Ассирией и Вавилоном, и имеют в высоту и в ширину 5433 локтя, и много лет сохраняются эти остатки.

По разрушении же столпа и по разделении народов взяли сыновья Сима восточные страны, а сыновья Хама – южные страны, Иафетовы же взяли запад и северные страны. От этих же 70 и 2 язык произошел и народ славянский, от племени Иафета – так называемые норрики, которые и есть славяне.» (Лихачев 1997)

В *Палее* это описано более подробно:

«После потопа человечество умножалось и распространялось из глубин востока, где остановился ковчег⁴⁵². В это время «они нашли равнину в земле, называвшейся Сеннаар⁴⁵³. У всех [на земле] был один язык» (Быт. 11:1–2). Рассуждая между собой, они говорили друг другу: «Когда-то давно Бог погубил нас, людей, потопом; если Он снова решит разгневаться, то потопом погубит нас и мы все погибнем»⁴⁵⁴. «И сказали друг другу: „Соберёмся, наделаем кирпичей⁴⁵⁵ и обожжём их огнём, чтобы не боялись воды, и построим башню до небес (Быт. 11:3–4), чтобы избежать потопа, все спасёмся в ней и ополчимся на Бога, находясь около Него, ибо мы все вместе”»⁴⁵⁶. И они начали строить башню; их старейшиной и предводителем их суетного замысла был [человек] по имени Нимрод⁴⁵⁷. Один Евер не присоединился к их безумию⁴⁵⁸, но сказал так: «Если бы Бог сказал людям построить столп до небес, то сам Бог повелел бы Словом, Которым сотворил небо и землю, и всё видимое и невидимое». Всех лет Евера было 740, [больше всех] после Ноя.

Когда они начали строить башню, в безрассудном помышлении желая взойти на небо, то начали терпеть великие мучения. Когда башня стала высокой, то [одних] сносило ветром, другие при приближении Солнца были сжигаемы, задыхались от зноя. Но премудрый человеколюбец Бог помиловал, а не разгневался на них, восстановил великий порядок, не оставив их всеу работать и мучиться, а прекратил их безбожную мерзость. Башню строили 40 лет и ещё не успели закончить, когда «Господь сошёл посмотреть башню. И сказал Господь: „Вот, один народ и один у всех язык”» (Быт. 11:5–6). И смешал Господь языки и разделил их на 72. Первый язык, Адамов, на котором до сих пор говорили, не был отнят у Фалека, Еверова сына, ибо Евер не присоединился к их беззаконию, поэтому его язык не изменился и ради него [народ] стал называться евреями.

Следует знать, что существует всего 72 народа; эти народы суть те, которые Господь рассеял по лицу всей земли. Следует также знать из переданных книг расположение земель и больших островов, к чему мы присоединим число морей и рек и какая в каких пределах находится.» (Камчатов 2002: 155-156)

Бог был сердит на людей за их богохульство, когда они возвели башню, пытаясь избежать второго потопа, и в ответ на это Бог создал несколько различных языков. Таким образом, люди были разделены на разные языковые группы, и им стало невозможно понимать друг друга.

Таинство крещения занимает важное место в пантеоне христианских практик и верований, что нашло отражение в древнерусских религиозных текстах, в том числе в *Палее Толковой* и *Слове о Законе и Благодати* митрополита Илариона.

В *Палее* крещению уделено большое внимание, оно окрашено в оттенки глубокой духовной значимости. Оно изображается не просто как ритуал, а как преображающее таинство, знаменующее собой поворотный пункт в духовном пути верующего. *Палея* представляет крещение как духовное возрождение, переход, означающий конец старой жизни, запятнанной грехом, и начало новой жизни во Христе. Такое представление перекликается с новозаветным пониманием крещения как приобщения к смерти и воскресению Христа, таинства, означающего отождествление верующего с искупительным актом Христа.

С другой стороны, *Слово о Законе и Благодати* митрополита Илариона, еще один значимый древнерусский религиозный текст, также подчеркивает преображающую силу крещения. В *Слове*, как и в *Палее*, крещение представлено не просто как обряд. Оно изображается как таинство Божественной благодати, средство, через которое Бог передает верующему свою спасительную благодать. Акцент здесь делается на благодати, даруемой крещением, которая освобождает верующего от власти греха и вводит его в жизнь благодати во Христе.

«И кто столь велик, как Бог наш? Он, «един творящий чудеса», оставил закон в предуготовление истины и благодати, чтобы <пестуемое> в нем человеческое естество, уклоняясь от языческого многобожия, обшло веровать в единого Бога, чтобы, подобно оскверненному сосуду, человечество, будучи, как водою, омыто законом и обрезанием, смогло воспринять млеко благодати и крещения.

Ведь закон предтечей был и служителем благодати и истины, истина же и благодать — служитель будущего века, жизни нетленной. Ибо закон приводил подзаконных к благодатному крещению, а крещение провождает сынов своих в жизнь вечную. Моисей ведь и пророки проповедали о пришествии Христовом, Христос же и апостолы — о воскресении и жизни будущего века.

Поминать же в писании сем и пророческую проповедь о Христе, и апостольское учение о жизни будущего века излишне было бы и похоже на тщеславие. Ведь излагать здесь то, что в иных книгах писано и вам ведомо, есть признак дерзости и славолюбия.» (Молдован 1997: 3)

Несмотря на разные акценты, и *Палея* и *Слово о Законе и Благодати* сходятся в понимании крещения как духовного возрождения и средства благодати. Оба текста подчеркивают преобразующую силу крещения, выделяя его роль как таинства, знаменующего переход верующего от грешной жизни, к новой жизни во Христе. Они также подчеркивают общинный аспект крещения, акцентируя его роль как посвящения в христианскую общину.

«Когда Моисей пришёл в Египет, его встретили брат Аарон и еврейский народ. И Моисей пересказал ему всё, что сказал ему Господь. «После сего, придя к фараону, они сказали: „Отпусти нас в пустыню, чтобы мы совершили жертвоприношение Господу Богу нашему”» (Исх. 5:1) Фараон же страшно разъярился на них и приказал совершать над ними насилие, и египтяне мучили [их].

«И возопил Моисей к Господу, сказав: „Господи! для чего Ты предал народ свой? Для чего послал меня?”» (Исх. 5:22). «Господь сказал Моисею: „Теперь ты увидишь, что Я сделаю с фараоном; рукою крепкой отпущу тебя и мышцей простёртою выведу тебя из его земли. Я Господь, явившийся Аврааму, Исааку и Иакову, Я поставил завет Мой с ними, чтобы дать им землю Ханаанскую, на которой Сам буду жить” [...]»

После этого Моисей и Аарон пришли к фараону, говоря: «Отпусти народ Израилев, чтобы совершить жертвоприношение Господу Богу». Фараон же сказал: «Какое чудо вы сделаете, чтобы я отпустил народ?» Тогда Моисей сказал Аарону бросить жезл перед царем, «и он сделался огромным змеем.

Египетские волхвы сделали то же со своими жезлами, и они сделались змеями» (Исх. 7:10–12). Бог попустил египетским волхвам превратить свои жезлы в змеев для того, чтобы они не сказали фараону, что Моисей – чародей и совершает это волшебством. Но они сопротивлением противились ему и потом изнемогли; одного звали Ианний, второго Иамврий⁹³⁵. «Жезл Моисея поглотил все жезлы» (Камчатов 2002: 310-314)

На самом деле, и *Палея Толковая*, и *Слово о Законе и Благодати* способствуют богатому и многогранному пониманию крещения в древнерусской религиозной литературе. Они освещают богословскую глубину этого таинства, раскрывая его значение как преобразующего акта духовного возрождения, проводника божественной благодати и пропускного пункта в общину верующих.

Тема божественного провидения проходит красной нитью через всю *Палею* и другие древнерусские религиозные тексты, например, через труды преподобного Феодосия Печерского. Эта тема связана с верой в активное и целенаправленное управление Богом миром, что является главным принципом, подчеркивающим непосредственную причастность Бога к Своему творению и разворачиванию истории.

В *Палее* тема божественного провидения тщательно раскрывается через пересказ библейских повествований. В тексте представлен Бог, который является не отстраненным, равнодушным наблюдателем, а непосредственным участником, направляющим ход событий к исполнению своего божественного замысла. Каждое событие - от сложных законов, данных израильтянам, до пророческих откровений о пришествии Мессии - рассматривается как часть Божьего провиденциального замысла. Такое изображение подчеркивает постоянное, интимное участие Бога в жизни мира и Его неизменную заботу о благополучии Своего творения.

В трудах преподобного Феодосия Печерского, одного из самых почитаемых деятелей русского монашества, также подчеркивается тема Божественного провидения, хотя и в

ином контексте. В трудах преподобного Феодосия Божественное провидение часто рассматривается в контексте монашеской жизни и личного духовного опыта. Размышления и поучения святителя подчеркивают веру в активное руководство Бога во всех аспектах монашеской жизни - от общинной жизни до личной аскетической борьбы. В его трудах часто подчеркивается важность упования на Божий промысел, предания себя Его воле и осознания Его направляющей руки во всех обстоятельствах.

Несмотря на различие контекстов и перспектив, и *Палея*, и труды св. Феодосия сходятся в понимании Божественного провидения. Они освещают веру в активное и целенаправленное руководство Бога, подчеркивая Его близкое участие и неизменную заботу о Своем творении.

Следует отметить, что исследование божественного провидения как в *Палее Толковой*, так и в трудах святителя Феодосия дает многогранное понимание этой богословской концепции. Эти древнерусские религиозные тексты через свое изображение предлагают читателю оценить глубину участия Бога в жизни мира, осознать Его направляющую руку во всех событиях и довериться Его провидческой заботе.

В заключение следует отметить, что *Палея Толковая* и другие древнерусские религиозные тексты, несмотря на различия в повествовательной направленности и контекстуальных акцентах, сходятся в исследовании вопросов искупления, крещения и божественного провидения. Это сближение подчеркивает общую теологическую основу этих текстов и обогащает наше понимание этих ключевых христианских догматов. Благодаря коллективным рассуждениям, они предлагают всесторонний и многогранный портрет христианской веры.

Глава 3 - Влияние и адаптация: *Палея Толковая* в более поздних древнерусских религиозных текстах

Влияние *Палеи Толковой* на древнерусскую религиозную литературу значительно, и ее отголоски можно обнаружить в ряде произведений.

Слово митрополита Илариона *О Законе и Благодати* является одним из столпов древнерусской религиозной литературы, и ее связи с *Палеей Толковой* особенно ярко проявляются при рассмотрении нюансов экзегетического подхода.

Сочинение митрополита Илариона представляет собой красноречивое изложение, в котором противопоставляются Ветхий и Новый Заветы и намечается переход от Закона,

управлявшего израильтянами, к Благодати, пришедшей с приходом Христа. Что сразу бросается в глаза при изучении этой проповеди, так это глубина проработки Священного Писания, напоминающая подход *Палеи*.

В *Палее Толковой* библейские тексты не просто пересказываются, они тщательно пересказываются, интерпретируются и контекстуализируются, чтобы выявить их богословскую сущность. Этот экзегетический стиль - углубление в Писание, вычленение смыслов, аллегорий и богословских выводов - находит параллель в *Слове о Законе и Благодати* Илариона. Иларион, как и авторы *Палеи*, сплетает воедино различные повествования Писания, проясняющий основные догматы христианства. Его проповедь - это не просто сопоставление Ветхого и Нового Заветов, а глубокое исследование их взаимосвязи.

Например, когда Иларион говорит о ветхозаветных пророчествах, он скрупулезно связывает их с исполнением в Новом Завете, что также является методологическим подходом, характерным для *Палеи*. Кроме того, то, как он раскрывает значение ключевых событий, таких как заключение завета на Синае или крещение Христа, подчеркивает глубину его экзегетической работы, во многом сходной с трактовкой подобных тем в *Палее*.

Более того, языковые и риторические приемы *Слова о Законе и Благодати* Илариона, от структурированности аргументов до поэтических изысков, указывают на знакомство с литературным стилем *Палеи*. Акцент *Слова* на разьяснении христианской доктрины через подробное изучение Писания, по-видимому, навеян традицией библейского толкования *Палеи*.

На самом деле, хотя *Слово о Законе и Благодати* является самостоятельным и монументальным произведением, ее экзегетическая глубина, методологический подход и тематические изыскания перекликаются с влиянием *Палеи Толковой*. Сходство их подходов к Священному Писанию подчеркивает непреходящее наследие экзегетической традиции *Палеи* в широком пейзаже древнерусской религиозной литературы.

Отдельно необходимо рассмотреть пример *Киевского Синописа* – значительного произведения в летописи древнерусской религиозной литературы, представляющего собой амбициозную попытку изложить всемирную историю через призму христианского богословия. По мере углубления в этот текст становится все более заметным потенциальное влияние *Палеи Толковой*, особенно в том, как *Синопис* подходит к библейским отрывкам и интерпретирует их.

По своей сути *Киевский Синописис* - это не просто исторический рассказ, это богословское осмысление истории. Такое слияние истории и богословия напоминает подход *Палеи* к Священному Писанию, где исторические библейские повествования органично переплетаются с глубокими богословскими размышлениями. *Синописис*, повествуя о событиях в мире, часто проводит параллели между ними и библейскими повествованиями, извлекая из них более глубокие смыслы и толкования. Такой экзегетический подход свидетельствует о методологическом влиянии *Палеи*.

Особое сходство заключается в тематическом акценте, который оба текста делают на искуплении и божественном провидении. В *Палее* искупление исследуется очень глубоко, начиная с грехопадения Адама и Евы и первоначального отчуждения человечества от Бога и заканчивая конечным актом искупления через распятие и воскресение Христа. *Киевский Синописис*, излагая ход мировой истории, также подчеркивает эту тему, выделяя моменты божественного вмешательства и искупления, будь то избрание израильтян, рождение и миссия Христа, распространение и триумф христианства.

Божественное провидение, еще одна центральная тема *Палеи*, также находит отклик в *Синописисе*. Образ Бога, активно направляющего историю, обеспечивающего исполнение своего божественного замысла, находит отклик в *Синописисе*. В Киевском синописисе, описывающем ход развития империй, возвышение и падение правителей, важнейшие исторические события, постоянно подчеркивается рука Божественного провидения, что говорит о том, что эти события не случайны, а причудливо вплетены в великий замысел Бога.

Более того, *Киевский Синописис* в своем языковом выборе и стиле повествования, по-видимому, опирается на богатые славянские литературные традиции, воплощенные в таких текстах, как *Палея*. То, как в нем сочетаются исторический рассказ и богословское изложение, свидетельствует о знакомстве с Палеевским методом переплетения повествования с доктриной.

Преподобный Сергей Радонежский, почитаемый как один из наиболее значительных духовных лидеров и реформаторов монашества в русской истории, наиболее известен своей глубокой духовностью и приверженностью к монашескому подвижничеству. В его поучениях и письмах, несмотря на глубоко личный характер, переплетаются богословские размышления. То, как преподобный Сергей интерпретирует и понимает ключевые христианские догматы, такие как искупление, Божественное провидение и природа благодати, переключается с богословской глубиной и пронизательностью, представленной

в *Палее*. Например, его акцент на преобразующей силе Божественной благодати и активном руководстве Бога в жизни верующего согласуется с темами, освещенными в *Палее*.

Аналогичным образом, Кирилл Белоозерский, еще один столп русского монашества, в своих трудах предлагает глубокое понимание монашеского образа жизни, трудностей аскетизма и пути к духовному просветлению. Хотя в центре его внимания находится личный духовный путь, более широкое богословское полотно, на котором он рисует свои картины, глубоко пронизано такими текстами, как *Палея*. То, как Кирилл объясняет роль Священного Писания в руководстве монашеской практикой, или его размышления о заветных отношениях между Богом и человечеством, можно рассматривать как отголоски богословских изложений, содержащихся в *Палее*.

В сущности, хотя творчество таких святых, как Сергей Радонежский и Кирилл Белоозерский, может быть основано на их личном духовном опыте и монашеском окружении, богословские основы их трудов, скорее всего, сформированы более широким богословским дискурсом их времени. Такие основополагающие тексты, как *Палея Толковая*, с их глубокими богословскими изложениями и экзегетическими прозрениями, могли сыграть решающую роль в формировании этого дискурса и тем самым оставить неизгладимый след в трудах этих почитаемых святых.

Было бы упущением не отметить влияние *Палеи Толковой* на *Слово о полку Игореве*, которое отличается не только поэтическим блеском, но и глубинной духовно-нравственной интроспекцией. На первый взгляд, в ней рассказывается о военном походе князя Игоря на половцев, но при более глубоком прочтении обнаруживаются слои аллегорий, перекликающихся с духовными темами, заложенными в религиозных текстах, таких как *Палея*.

Главный герой, князь Игорь, воплощает в себе не только доблесть и амбиции средневекового князя, но и символизирует вечную борьбу человека с гордыней, высокомерием и поиском искупления. Поход Игоря, движимого жаждой славы, можно аллегорически интерпретировать как вечное стремление человека к мирскому признанию, часто ценой духовной целостности.

Однако сама природа, похоже, реагирует на амбиции Игоря. Произведение изобилует яркими описаниями бурь, темных туч и предзнаменований, предвещающих его поход. Эти природные явления не просто атмосферные детали, а глубокие духовные смыслы. В

палеологовской традиции такие природные явления часто символизируют божественное общение или вмешательство.

«Прыснуло море в полночи;

идут смерчи тучами.

Игорю князю Бог путь указывает

из земли Половецкой

в землю Русскую, к отчему золотому столу.

Погасли вечером зори.

Игорь спит,

Игорь бдит,

Игорь мыслью поля мерит

от великого Дону до малого Донца.» (Лихачев 2006)

В *Слове о полку Игореве* они могут рассматриваться как проявления божественного недовольства или предостережения от горделивого пути, по которому идет Игорь. Подобно тому, как в *Палее* библейская буря может быть истолкована как ответ Бога на действия людей, бури в *Слове о полку Игореве* предупреждают о грядущем возмездии.

Кульминацией этих предзнаменований становится пленение Игоря половцами, что является прямым следствием его чрезмерных действий. Однако этот момент поражения - не просто военная неудача, он аллегорически символизирует падение, которое часто следует за гордыней. Это суровое напоминание о божественном возмездии, которое ожидает тех, кто отступает от моральной и духовной праведности.

Однако повесть не оставляет Игоря в отчаянии. Плен становится для него периодом самоанализа и нравственного пробуждения. Окруженный чужим степным пейзажем и оторванный от родины, Игорь обдумывает свои поступки, осознает свои недостатки и ищет искупления. Этот этап его пути, наполненный печалью и размышлениями, отражает христианскую концепцию покаяния. Это пронзительное напоминание о том, что даже в самой глубине отчаяния искупление возможно для тех, кто искренне стремится к нему.

Побег Игоря и его возвращение на родину можно рассматривать как аллегорию возвращения души к Богу после периода отчуждения. Подобно тому, как блудный сын в

Библии возвращается в объятия отца, осознав свои ошибки, возвращение Игоря означает возможность примирения и искупления.

«А Игорь князь поскакал

горностаем к тростнику

и белым гоголем на воду.

Вскочил на борзого коня

и соскочил с него серым волком.

И побежал к излучине Донца,

и полетел соколом под облаками,

избивая гусей и лебеде

к завтраку,

и обеду,

и ужину.

Когда Игорь соколом полетел,

тогда Овлур волком побежал.» (Лихачев 2006)

По сути, *Слово о полку Игореве*, хотя и основано на исторических событиях, предлагает читателю глубокое аллегорическое путешествие, отражающее духовные темы, распространенные в религиозных текстах, таких как *Палея Толковая*. Исследование гордыни, божественного возмездия, покаяния и искупления демонстрирует глубокое взаимодействие светских повествований и духовных истин в древнерусской литературе.

Влияние *Палеи Толковой* можно рассмотреть в *Житии святого князя Александра Невского*. Это не просто летопись подвигов князя, а духовный памятник, переплетенный с уроками веры, долга и божественного провидения. Как и многие жития, оно стремится дать духовную линзу, через которую можно рассматривать исторические события, и тем самым возвысить обыденное до божественного, подобно *Палее Толковой*.

Князь Александр Невский, ключевая фигура русской истории, прославился не только своими военными способностями, но и глубокой верой и преданностью православной церкви. В тексте он предстает как богоизбранный лидер, призванный защищать не только свои земли, но и веру своего народа. Его битвы, хотя и основаны на исторических реалиях,

изображаются как нечто большее, чем просто военное противостояние. Они символизируют вечную борьбу добра и зла, веры и ереси.

«Александр Невский – пожалуй, единственный из князей русских (среди которых было немало и весьма одаренных, и умных, и преданных великой идее служения своему народу), кто сохранил за собою в истории блистательный след благородных подвигов, сияние благочестия и милосердия, не оставив, насколько нам известно, воспоминания о причиненных им зверствах. Создается ощущение, что этот рожденный под счастливой звездой князь правил, исключительно согласуясь с потребностями народными, а ведь достался ему в удел далеко не смиренный Великий Новгород.» (Хитров 1991).

Например, при описании противостояния князя Александра с тевтонскими рыцарями не просто описывается столкновение армий. Вместо этого битва рассматривается как состязание вер. Тевтонские рыцари, стремящиеся к распространению католицизма, изображаются как проводники духовных бедствий, бросающие вызов православной вере Руси. В этом аллегорическом контексте князь Александр выступает как символ православного христианства, защищая свое царство как от физических, так и от духовных посягательств.

Более того, его победы, особенно знаменитое Ледовое побоище, выходят за рамки просто военных достижений. Они изображены как божественное утверждение правоты православной веры. Лед, коварный и непредсказуемый, становится аллегорией трудностей жизни и веры. Успех князя Александра на этом опасном поле боя - не только свидетельство его полководческого таланта, но и проявление божественной благосклонности, напоминающее библейских лидеров, таких как Давид или Моисей, которые с Божьей помощью преодолевали непреодолимые препятствия.

Повесть также посвящена личным размышлениям и молитвам князя Александра, что подчеркивает его глубокую духовную связь. Его решения, часто принимаемые после обращения к божественному руководству, подчеркивают сочетание его роли как политического лидера и духовного символа. Его жизнь, отмеченная жертвами и трудностями, отражает библейский путь пророков и святых, которые, несмотря на невзгоды, оставались непоколебимыми в своей вере.

По сути, *Житие святого князя Александра Невского*, опираясь на исторические события XIII века, представляет собой богатое аллегорическое повествование. В нем путь князя

соотносится с более широкой духовной борьбой человечества, проводятся параллели с толкованиями Священного Писания, содержащимися в *Палее Толковой*. Через эту призму жизнь князя Александра становится свидетельством силы веры, важности духовной стойкости и веры в божественное провидение, определяющее судьбу как отдельных людей, так и целых народов.

Хождение за три моря, написанное русским купцом, Афанасием Никитиным, является замечательным свидетельством взаимодействия физических путешествий и духовного самоанализа. По мере того как он описывает свои путешествия в Индию и за ее пределы, повествование становится не просто рассказом о географических открытиях или культурных обменах, а насыщенными метафизическими размышлений и аллегорий.

Когда купец описывает огромные, кажущиеся безбрежными моря, по которым он плавает, читателю предлагается не просто представить себе эти просторы, но и проникнуть в их аллегорическую глубину. Эти моря с их непредсказуемыми бурями и безмятежными штилями отражают непредсказуемость человеческого существования. Каждый шторм, с которым он борется, становится олицетворением жизненных трудностей, испытаний, проверяющих человека на стойкость и веру. Спокойные моря, напротив, переключаются с моментами благодати, передышки, отражая мимолетные мгновения спокойствия и ясности жизни.

Но, пожалуй, самым обогащающим аспектом путевых заметок Афанасия Никитина является знакомство с различными культурами и религиями. Это не просто антропологические наблюдения. Вступая в многочисленные духовные миры стран, которые он посещает, он отправляется в параллельное внутреннее путешествие. Каждый храм, в который он входит, каждый ритуал, свидетелем которого он становится, становится окном в универсальную человеческую тоску по божественному. Эти встречи подчеркивают глубокую истину: несмотря на множество путей, по которым идет человечество, поиск, в своей основе, остается единственным - поиском смысла, связи с божественным.

Этот духовный взгляд купца на свои странствия переключается со склонностью *Палеи Толковой* к поиску духовного смысла в физической сфере. Подобно тому, как *Палея* углубляется в библейские повествования для извлечения аллегорических смыслов, повествование купца по-своему преобразует физические путешествия в духовные одиссеи. Пейзажи, по которым он путешествует, моря, в которые он переплывает, культуры, в которые он погружается, - все это становится проводниками для более глубокого исследования человеческой души и ее вечных поисков.

Резюмируя, необходимо отметить, что несмотря на то, что каждое из этих произведений имеет свой уникальный стиль и цель, в них можно обнаружить влияние *Палеи Толковой* - и в тематических изысканиях, и в экзегетическом подходе, и в богословских и аллегорических основах. *Палея*, отличающаяся глубоким богословским смыслом и литературным мастерством, служила маяком, направляя и влияя на целые поколения русских религиоведов и писателей.

Было бы упущением не отметить, что *Палея Толковая* - не просто богословский труд, это литературный памятник, демонстрирующий богатство староцерковнославянского языка и его способность точно и изящно передавать сложные богословские идеи. Это языковое мастерство оказало значительное влияние на последующих религиозных писателей, которые стремились подражать его стилю и глубине.

Палея Толковая в своих богословских изложениях демонстрирует удивительную склонность к использованию ярких и выразительных образов. Она не просто очерчивает понятия, а рисует их, используя то широкие мазки божественного света, то тонкие нюансы пасторальных пейзажей.

Например, изображения беспокойных морей в тексте - это не просто живописные описания, а мощные метафоры, отражающие беспокойство духовного пути или превратности веры. Подобная образность не только придает повествованию поэтическое измерение, но и закрепляет абстрактные богословские идеи в осязаемых, доступных для восприятия сценариях, способствуя их более глубокому осмыслению и самоанализу.

Этот своеобразный стилистический выбор - сочетание поэтической образности и богословского изложения - находит отклик в последующей религиозной литературе Древней Руси. Ярким примером этой тенденции, как мы уже отмечали, могут служить сочинения преподобного Феодосия Печерского.

Например, описывая монашеское существование, св. Феодосий не просто перечисляет ритуалы и распорядок дня. Он углубляется в символику, проводя параллели между безмятежным спокойствием дремучего леса и глубоким умиротворением, которое охватывает монаха в глубоком созерцании. Подобные природные метафоры служат двойной цели: они дают читателю яркий визуальный якорь и одновременно раскрывают духовную сущность монашества.

Палея Толковая в своем языковом стиле создает своеобразный сплав богословского изложения и литургического изложения. Это не просто смешение стилей, а целенаправленное стремление наполнить повествование священной аурой богослужения. Язык книги, изобилующий отголосками литургических текстов, служит мостом между научным и религиозным. Читатель, погружаясь в богословские размышления *Палеи*, одновременно окутывается знакомыми напевами молитвы, вызывающими атмосферу благоговения и созерцания.

Эта гармонизация литургии и повествования, заложенная *Палеей*, нашла отклик, как указывалось выше, в последующей религиозной литературе, прежде всего в *Житиях русских святых*. Эти агиографические повествования, рассказывающие о жизни, чудесах и мученической кончине святых, - не просто биографические хроники. Это освященные повествования, и их языковой выбор отражает эту святость.

Так при чтении об испытаниях святой Ольги или о духовных откровениях Сергия Радонежского, заметно, что повествование пестрит литургическими фразами, отрывками из песнопений и даже фрагментами молитв. Эти включения служат двойной цели: они закрепляют повествование в священных традициях Православной Церкви и постоянно напоминают читателю о Божественном присутствии в жизни описываемого святого.

Более того, такое переплетение агиографии с литургией возводит повествование из простого исторического повествования в форму богослужения. Читатель, проходя через жизнь святого, приглашается не просто наблюдать, но и участвовать, приобщаться к этому синтезу преданности и благоговения. Рассказ становится молитвой, а сам акт чтения превращается в акт поклонения.

На самом деле, новаторское соединение в *Палее* богословского дискурса с литургическим изложением создало стилистический прецедент, получивший глубокое влияние в корпусе древнерусской религиозной литературы. Она предлагала читателю целостный духовный опыт, сочетающий интеллектуальное и набожное, обеспечивая чтение как путешествие ума, так и души.

На самом деле *Палея Толковая*, мастерски используя славянский язык, не только обогатила собственное повествование, но и повлияла на стилистический выбор целого поколения религиозных писателей. Ее языковое наследие прослеживается в древнерусской религиозной литературе, где отголоски ее стиля можно обнаружить в текстах многовековой давности, что свидетельствует о ее непреходящем литературном влиянии.

Заключение

Палея Толковая - монументальное произведение древнерусской религиозной литературы - возникла в результате богатейшего сплава исторических, богословских и литературных влияний. Уходя своими корнями глубоко в историческую среду Киевской Руси, этот текст свидетельствует о согласованных усилиях правителей и духовенства по утверждению христианства в качестве государственной религии. Влияние Византийской империи, особенно ее богатых богословских и литературных традиций, сыграло решающую роль в формировании *Палеи*, перекликаясь с более широким стремлением к религиозной унификации и укреплению православия в регионе.

Проведенный нами сравнительный анализ показал глубину и сложность *Палеи*. Темы искупления, крещения и божественного провидения, являясь центральными в *Палее*, находят отклик и в других древнерусских религиозных текстах. Однако каждый текст привносил свои нюансы, будь то аллегорическая интерпретация путешествия князя Игоря или агиографические рассказы, переплетающиеся с литургическими фразами. *Палея* с ее уникальным сочетанием повествовательных и литургических элементов стала эталоном, которому подражали или на который откликались другие тексты.

Невозможно переоценить наследие *Палеи Толковой* в древнерусской литературе. Ее языковой выбор, отдающий предпочтение архаическим и поэтическим славянским терминам, стал стилистическим образцом для последующих религиозных текстов.

Палейный метод интерпретации библейских историй, переплетающий глубокие богословские смыслы с физическими путешествиями, нашел отголоски в более поздних произведениях - от путевых заметок купцов до духовных размышлений святых. Сочетание литургии и повествования, впервые предложенное *Палеей*, создало основу, которую переняли многие более поздние тексты, например, *Жития русских святых*, придав их повествованиям ощущение святости.

Отдельно следует отметить, что *Палея Толковая* является не только богословским текстом, но и маяком древнерусской литературы. Она свидетельствует о синтезе истории, богословия и литературы, отражая духовные и культурные устремления своего времени и формируя последующие литературные традиции.

Список литературы

1. Сухомлинов М. А. О древней русской летописи как памятнике литературном. — СПб., 1856. — С. 54—64;
2. Успенский В. М. *Толковая Палея*. — Казань, 1876;
3. Павлов А. Рец. на кн.: Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. — М., 1875 // Отчет о девятнадцатом присуждении наград графа Уварова. — СПб., 1878. — С. 191—212;
4. Аверьянов К. А. Сергей Радонежский. *Личность и эпоха*. — М.: Энциклопедия российских деревень, 2006. — 444 с.
Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/sergij-radonezhskij-lichnost-i-epoha/
5. Веселовский А. Н. Талмудический источник одной Соломоновской легенды в русской *Палее*. — Журнал Министерства народного просвещения. — 1880. — Апрель. — С. 298—300;
6. Водолазкин Е. Г. Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI—XV веков). — Мюнхен, 2000. — 403 с.
7. Водолазкин Е. Г. *Новое о Палеях* (некоторые итоги и перспективы изучения палейных текстов) // Русская литература. — 2007. — № 1. — С. 3—23;
8. Вилкул Т. *Толковая Палея* и Повесть временных лет. Сюжет о раздѣлении языкѣ // *Ruthenica*. Т. VI. Київ, 2007.
9. Водолазкин Е. Г. Ефросиновская *Палея* : до и после // *Russica romana*. V. 14. 2007. P. 9—22;
10. [Отв. ред. Сеницына Н.В.]. *Монашество и монастыри в России. XI-XX века*. : Ист. очерки / Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории; - Москва : Наука, 2002. — 344
Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/monashestvo-i-monastyri-v-rossii-11-20-veka/
11. *Палея Толковая* / Пер. А. М. Камчатнова. — М., 2002.
12. *Слово о законе и благодати* митрополита Илариона / Подготовка текста и комментарии А. М. Молдована, перевод диакона Андрея Юрченко // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. — СПб. : Наука, 1997. — Т. 1 : XI—XII века. С. 26—61.

13. Акентьев К. К. «Слово о Законе и Благодати» Илариона Киевского // Истоки и последствия : Византийское наследие на Руси. — СПб., 2005;
14. *Слово о полку Игореве* / Предисл. Д. С. Лихачёва; Стихотв. перевод, комментир. прозаич. перевод и послесл. А. Ю. Чернова; Реконструкция древнерус. текста и примеч. А. В. Дыбо; Ил. С. К. Русакова. — СПб. : Вита Нова, 2006. — 360 с.
15. *Повесть временных лет* (Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова) // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. — СПб. : Наука, 1997. — Т. 1 : XI—XII века. — 543 с. (Ипатьевский список «Повести временных лет» на языке оригинала и с синхронным переводом).
16. Пештич С. Л. «Синописис» как историческое произведение, Труды Отдела древнерусской литературы. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — Т. XV. —
17. Толочко П. П. Редакция Повести временных лет Сильвестра : историческая реальность или учёная фикция // *Ruthenica*. — Київ, 2008. — № 7;
18. Харрис Д. Византия. История исчезнувшей империи = *The Lost World of Byzantium* / Пер. с англ. Н. Нарциссовой. — М.: Альпина нон-фикшн, 2017. — 408 с. — ISBN 978-5-91671-755-6.
19. Хитров М. И. *Святой благоверный великий князь Александр Ярославович Невский*. Подробное жизнеописание. — Минск: Панорама, 1991.
Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Nitrov/svjatoj-blagovernyj-velikij-knjaz-aleksandr-jaroslavich-nevskij/
20. Толочко П. П., Назаренко А. В. Владимир Святославич // *Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия* / Под ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. — 2-е изд. — М.: Ладомир, 2017.
21. *Хождение за три моря* Афанасия Никитина // Библиотека литературы Древней Руси // РАН. ИРЛИ / Подготовка текста М. Д. Каган-Тарковской и Я. С. Лурье, перевод Л. С. Семенова, комментарии Я. С. Лурье и Л. С. Семенова. — СПб.: Наука, 1999. — Т. 7: Вторая половина XV века. — С. 348—379. — 581
22. Шахматов А. А. *Толковая Палея* и русская летопись // *Статьи по славяноведению*. — СПб., 1904. — Вып. 1
23. Шахматов А. А. Киево-Печерский патерик и Печерская летопись // *Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук*. — 1897. — Т. 2, кн. 3. — С. 795—844;
Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriija_Tserkvi/zhitie-antonija-i-pecherskaja-letopis/

Краткое содержание работы

Ovaj rad posvećen je analizi *Tolkovaye Paleye*, jednog od temeljnih djela staroruske književnosti. Fokus je na tematskoj, stilističkoj i strukturnoj analizi djela, a također i komparativnoj književnoj analizi s drugim djelima staroruske književnosti. Ta analiza pomaže nam razumjeti koje su ideje iz ranih djela staroruske književnosti, poput *Tolkovaye Paleye*, utjecale na kasnije tekstove i religijske tekstove u staroruskoj književnosti.

Ключевые слова

Hrvatski jezik	хорватский язык
Ruski jezik	русский язык
Tolkovaya Paleya	Палея Толковая
Poredbena analiza	Сравнительный анализ
Staroruska književnost	Древнерусская литература
Staroruska djela	Древнерусские сочинения

Резюме

Rođen sam 30. prosinca 1992. godine u Zagrebu gdje sam završio osnovnu i srednju školu. Nakon završetka X. Gimnazije upisujem dvopredmetni studij Ruskog jezika i književnosti i Engleskog jezika i književnosti na Filozofskom fakultetu u Zagrebu. Diplomirao sam na prevoditeljskom smjeru studija Engleskog jezika i književnosti 2022. godine. Trenutno radim u IT industriji, točnije u marketingu, a u poslovnoj sferi zanimaju me copywriting i digitalne tehnologije. U slobodno vrijeme bavim se kvizovima i volim povijest, jezike i putovanja.